

НЕЙРОФАНТОМЫ
ВЛАДИСЛАВ ЕНТУС

РАЙЗЕР
РЕВЕРСИЯ СМЕРТИ

Владислав Ентус
Райзер. Реверсия смерти
Серия «Нейрофантомы», книга 1

<https://litres.ru/73940796>

SelfPub; 2026

Аннотация

Райзер облажался. Теперь путь к убежищу отрезан, а вместо оплаты за рутинный заказ он получил преследование корпорации. Единственный выход — убить свою сигнатуру и надеяться, что впереди ждет новый цикл.

Когда спасение приходит в виде неизвестного голоса из приемника, Райзер чувствует себя самым везучим человеком в Юниарке. Таинственная хакерша готова помочь, но только на своих условиях. Выбор невелик: довериться одержимой мстью незнакомке или быть склеванным голубями.

Знакомый мир Райзера рушится у него на глазах. Сможет ли он адаптироваться к новой реальности, не стать пешкой в чужих руках и сохранить остатки человечности?

Содержание

Пролог. Фрагментация	4
Глава 1. Нелюдимые повадки	13
Глава 2. Ядовитый воздух	26
Глава 3. Рутинная процедура	40
Глава 4. Окровавленное лезвие	49
Глава 5. Остывший мисо-суп	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Райзер. Реверсия смерти

Пролог. Фрагментация

Снежные хлопья мерно опускались на россыпи еловых веток, собирались в поблескивающие на солнце шапочки, покачивались вместе с кронами деревьев при легких порывах ветра. На одну из шапочек приземлилась пухленькая птица, разбив кучку обратно в белую пыльцу. Она выпятила свою красную грудку навстречу молочно-голубому небу и начала перебирать коготками по пучку колючих иголок в попытке пристроиться и найти баланс. В конце концов она успокоилась и принялась наблюдать за обносившими ее снежинками.

Дверь в темный кабинет раскрылась, и кристально чистое изображение засветилось лампами из коридора.

— Запуск через несколько минут, все остальные на месте.

— Простите, снова я засмотрелась, сейчас проснусь и подойду. Скажите, разве не чудо?

— Что именно? Обычная запись из архива.

— Нет же, птица. Только посмотрите, как гордо она держится, сколько ярких цветов в оперении, какая бесстрастная мудрость в ее маленьких глазках. Кажется, ее звали снегирем... Это вам не понурые городские птицы, которым лишь бы покормиться у грязной лужи, фу. Новак, вы когда-нибудь

видели снег?

— Не видел, доктор, и, если честно, живот воротит от одного вида этой несуразицы, — крепкая мужская рука щелкнула переключатель, и купол кабинета опустел. — Нас ждут.

Доктор Арден пошарила рукой по соседнему креслу в поисках очков, продолжая думать о своем.

— У них была совершенно поразительная способность объединяться в стаи, — ее взгляд по-прежнему блуждал по местам, где находился зимний лес. — Они не использовали единую систему координации, ни одного ведущего сигнала, и все же не сталкивались, а летели сотни и сотни километров, можете представить? Да где же они...

— Вот здесь, — Новак указал на свой нагрудный карман. — Вам следует уделить больше внимания происходящему.

— Само собой, разумеется. В этот раз все должно сработать.

Над операционным столом загорелись холодные белые лампы.

— Сюда его давайте.

Один человек взялся за ноги, другой за подмышки. Они попытались скоординироваться, чтобы труп упал ровно на стол и конечности не рухнули мимо.

— Раз, два...

— Постой, давай еще раз, рука соскальзывает.

Немолодой мужчина приземлился прямо по центру своей новой койки, которая ничем не отличалась от рядовой ячей-

ки в морге.

— И вот мы снова тут, проект «Авель». Откуда подопытный? — прокуренным и уставшим голосом произнес, судя по всему, главный человек в операционной, наскоро заполняя отчетные бланки.

— Перенаправили от испытателей, говорят, резко отреагировал на лечение, вскрылся порок сердца, — ответил один из лаборантов.

— Зачем пришел?

— Вероятно, из-за стимуляторов. Семьи нет, тело списали.

— Понятно. Условия хранения хоть выполнили?

— Из криобокса не вынимали, что до этого — на совести испытателей.

— Ладно, что есть, с тем работаем. Вы двое, обработайте тело и за дверь, доктор Новак, подготовьте препарат и капельницы, доктор Арден, начинайте вскрывать слой.

Лаборанты принялись обтирать тело салфетками из стерильной упаковки, пока Новак откупоривал массивную медицинскую емкость, к которой подтянул несколько трубок. Арден, надев очки, подошла к круглому двухметровому подиуму и опустила защитные пластины. На их месте открылась прозрачная полость.

— Смирный малый, — произнес Новак с натянутой маской, втыкая очередную иглу в тело мертвеца. Теперь каждая его конечность была подключена к капельнице с темно-крас-

ным содержимым.

— Ноги у него целые? — поинтересовался главный. — Стоило бы ввести блокаторы, чтобы не подорвался, в следующий раз так и сделаем.

— Следующего раза не будет, доктор Вейл, у меня хорошее предчувствие, — с легкой улыбкой вмешалась Арден.

Внутри полости подиума поднялись водяные столбы. Поначалу прозрачные, медленно танцующие друг с другом, но вскоре их цвет почернел, а скорость колебаний увеличилась.

— Фаза достигла шести десятых. Извлечение идет быстрее обычного, нам понадобится дополнительное освещение.

Свет действительно потускнел. Чем ближе к бушующей водяной фигуре, тем хуже становилась видимость.

— Рано отпустил наш вспомогательный субстрат. Доктор Новак, сегодня вы тягаете занавес.

Новак легким движением снял маску и перчатки, подошел к дальней стене лаборатории и взялся обеими руками за массивный горизонтальный рычаг.

— Следующий курс миофасциальной коррекции на вас, доктор.

При всем своем спортивном телосложении Новаку пришлось задействовать гораздо больше усилий, чем он привык по жизни. Его халат был готов разорваться, сковывая налившиеся мышцы. Спину потянуло, кости рук обожгло. Постепенно окно от пола до потолка открывалось. Новак натужно шел вдоль лаборатории — со стороны казалось, что он вот-

вот отцепится и рухнет вниз, но он продолжал дышать, как раненый хищник, давая солнечному свету проходить внутрь. Когда Новак дошел до конца, лаборатория лишилась цветов, погрузившись в серые оттенки.

— Красотища какая, — Новак выдохнул остатки воздуха и уставился на панораму разрытых городских секторов далеко внизу.

— Доктор Вейл, извлечение завершено.

— Становится жарко, — сказал Вейл, стягивая халат с тонкого тела, в котором, кроме сухожилий, словно ничего и не было.

Подиум целиком скрылся в глубине лаборатории, но водяная субстанция осталась парить. От водных струй внутри не осталось и следа: обилие молекул на безумной скорости билось о невидимые стены. Пространство вокруг слегка вибрировало, и Вейл ощутил странную тягу, когда взял сферу в руки, словно внутренности стремились найти выход из тела.

— У вас кровь, доктор, — подсказала Арден.

— На правом?

— На правом.

Темная капля крови стекла из слезной железы до подбородка и упала на пол.

— Упрямится сильнее, это хорошо. Начинайте переливание.

Арден щелкнула переключателем, и вязкая жидкость из капельниц полилась в трупную плоть по множеству трубок.

Вейл подошел к операционному столу, уперся ногами в пол и со всех сил принялся сжимать сферу. Он одновременно давил ладонями и чуть сдвигал их по поверхности, не позволяя энергии выйти из своей оболочки и загоняя ее обратно. Сфера понемногу уменьшалась и становилась плотнее, неподатливее, поглощала все больше света вокруг. Впрочем, темнота уже не имела значения — труп огнем горел изнутри и озарял лабораторию багрянцем.

— Реакция экстракта поразительная! — прокричала Арден, и ее голос едва долетел до других.

Вейл не ответил. Капли пота скатывались по лицу, смешиваясь с кровью из глаза. Труп охватили судороги. Руки и ноги дрожали, но голова оставалась примагниченной к столу — сфера опускалась все ближе к ней.

Арден аккуратно протерла лицо Вейла ледяным полотенцем, взятым из криокамеры. Мускулы на его лице тряслись, морщины проступали там, где их никогда не было, вены вспухали, губы беззвучно шевелились на непонятном языке. Новак подошел к койке вытащить оставшиеся иглы из подопытного и тут же получил острыми ногтями по лицу.

Сфера в руках Вейла уменьшилась до размеров человеческого сердца и опустилась ближе к открытой глотке.

Арден смотрела на происходящее очарованными глазами. Она не испугалась, когда грудина трупа выгнулась, а судороги усилились настолько, что суставы сломались. Так далеко они еще не заходили — экстракт вот-вот зайдет внутрь объ-

екта, и тогда они совершат либо научный прорыв, либо дадут будущим исследователям материал для избежания новых катастроф. Так или иначе, прогресс уже было не остановить.

Мокрые руки Вейла с трудом держались на энергетическом клубке — тот вырывался, ерзал, скользил под ослабшими пальцами. Контролировать маленький шар стало практически невозможно.

Сознание Арден растянуло последние кадры в попытке отсрочить неизбежное. Багрянец разгорелся и поглотил лабораторию сигнальным огнем. Кожа трупа покрылась трещинами, хаотично взорвалась черными сгустками, челюсти сомкнулись с ужасающей мощью и раздробили зубы, грудная клетка сломалась напополам, конечности и пальцы завернулись в разные стороны, как ветки в закорюченном лесу. Вокруг Вейла образовался щит из осколков зубов мертвеца, введенного препарата, его собственных крови, пота и отчетов.

Сфера размером с теннисный мяч вырвалась из хлипких пальцев и вылетела в лицо доктора Арден.

Мириады снежинок окутали лабораторию, облепили оборудование, людей, стены, гигантское окно, пока не заполонили собой пространство целиком и кроме них ничего не осталось.

Каждая снежинка думала об утерянном. Одни жаждали плоти, другие звуков, третьи принадлежности. Гравитация перестала их тяготить — они больше не кружили, никогда не

закружат снова и даже не растают. Вместо этого снежинки налипали друг на друга, собирались в единый голодавший Организм.

Голод был неутолим, Организм ничего не мог с ним поделать. Но однажды Голод заменил гравитацию. Организм вновь почувствовал притяжение: он не понимал направление, в котором движется, но все же его куда-то тянуло. От движения Организм ощутил прикосновение ветерка, некоторые снежинки по краям кома, ставшие мертвой тканью, сдуло. Голод вел за собой, становился сильнее и стремительнее, то ли не щадя потерявший массу Организм, то ли проявляя к нему милосердие.

Но вот Голод начал отдаляться, словно Организм не поспевал за его силой тяготения. Вместе с этим пришло осознание: ледящее дыхание ветра перестало ранить и следующие ряды омертвевших снежинок остались на месте.

Чувства начали отгаивать. Они принимали форму комков, гнездившихся внутри Организма, и улавливали внешние сигналы. Поначалу слабые вибрации земной коры, приятное согревающее жужжание, затем отголоски солоноватой воды. Впервые за вечность Организм ощутил себя в мире, а не в пустоте.

Оно поняло, что больше не чувствует ни единой снежинки на себе и у него больше нет формы. Оно продолжало существовать без тела, и от этой легкости становилось еще приятнее. То что некогда было Организмом, поблагодарило дав-

него друга по имени Голод.

Глава 1. Нелюдимые повадки

Трубы теплотрасс прорвало неделю назад, и теперь весь район тонул в рыжем мареве, позволяя густому пару клубиться из трещин в асфальте и оседать ржавыми каплями на облупившихся стенах. Райзер шагал по лужам с перекошенными отражениями уличных вывесок. Единственное название, которое еще можно было разобрать, «Голем-Бар», мертво тлело на остатках электричества. Витрины магазинов были разнесены вдребезги, внутри валялись пустые коробки от протезов и шприцы. Он перешагнул через спящего бомжа, укрытого полиэтиленовым пакетом с полустертой надписью: «"МежТэк" — завтра уже сегодня».

— Эй, мужик, подкинешь на шунт? — донеслось с парковки.

Вокруг растерзанного автомобиля копошились подростки. Один из них с заметно трясущимися руками яростно долбил отверткой по приборной панели, пытаясь выдрать последние ценные детали.

— Не бей по плате, идиот, — бросила девчонка с выбритым виском, шлепнув сообщника по уху. — Там чип памяти, его срезать надо, а не глушить.

Райзер даже не повернул голову, и о нем тут же забыли. Его ботинки хрустели по битому стеклу у пустого автомата, в котором когда-то продавалось синтезированное мясо.

Экран устройства, почти целиком выгоревший, все еще пытался показывать адвертайз, но из-за повреждений картинка распадалась, превращая улыбающееся лицо в ломаную гримасу.

Свернув в узкий переулок между двумя облезлыми домами, Райзер сморщился от резкого запаха перегоревшей проводки, смешанного с вонью старого фритюра. По стенам змейками вились оголенные провода, местами искрящиеся и дергающиеся. Один из них, совсем расплавившийся, свисал словно черная сосулька.

Райзер подошел к стене захудалого дома, обложенной тяжеловесными панелями, и морзянкой выстучал по одной из них свое имя. Вход в «Трущобу» был не таким простым, как могло показаться с виду — только одна из панелей вместо металлического лязга отзывалась глухими толчками, которые можно было уловить лишь вблизи, и Райзер прекрасно знал, какая именно. Но в этот раз он не получил ответной реакции, поэтому постучал еще раз, гораздо менее осторожно.

— Не долби так, косцы тебя дери! — донеслось откуда-то сверху с помехами. — Для кого сказано, что сегодня вход через ограды?

Небрежно оглядевшись, Райзер увидел вбитый кол с повязанной тряпкой, действительно пропущенный из-за излишнего автоматизма. Он молча стукнул еще пару раз в знак принятого приглашения и направился к тесному ходу в противоположной стороне, который выглядел таким заброшен-

ным, будто даже ветер его уже не продувал. Обходной путь занял значительно больше времени, чем Райзер планировал, поскольку приходилось заново продираться сквозь лабиринт одинаковых стен и хитрых архитектурных соединений. Его дыхание стало раздраженно прерывистым, когда голос из потаенного динамика направил его по верному пути. В нос ударил запах плесени и прогорклого масла — сигнал правильного направления.

Из тесных каменных переплетений он попал в высокий колодец с грубо снесенными потолками. Вся «Трущоба» просматривалась снизу вверх, несмотря на почерневшие пластиковые пластины между этажами. На каждом уровне громоздились закопченные стеллажи с коробками и хламом, о содержимом которых Райзер предпочитал не знать, а стены были обнесены подобием экзоскелета, не позволявшим бетону обрушиться.

За прилавком, развалившись на стуле, сидел хозяин — необъятный мужчина лет пятидесяти в застиранной футболке с едва различимым логотипом энергетика. Его левая рука представляла собой грубый прототез — клешню, явно дешевую модель без тактильной обратной связи. Она взметнулась в воздух, когда Райзер вышел из темного прохода.

— Трезвонит так, что все нулевики поднимаются! Еще и опоздал на день! — закричал мужчина. — Уж думал, тебя голуби склевали.

Райзер молча достал из внутреннего кармана тряпичный,

перетянутый проволокой сверток и бросил его на прилавок. Клешня поддела ткань, обнажив три маленьких пластиковых цилиндра, заляпанных пальцами. Шунты.

— Тихие, — констатировал владелец, вертя один цилиндр в пальцах. — С тем же фирменным штрихом: просыпаешься от кислородного голода.

— Зато без меток. Дешевле корпоративных.

— И дешевле гробов, — хмыкнул хозяин и нырнул под прилавок.

Послышался стук банок, шелест упаковок. На прилавок, прямо поверх маслянистых следов от шунтов, упал мешочек с крупой, две липкие консервные банки без этикеток и шесть пакетов с мутной вязкой жидкостью.

— Рис, как обычно, с жучками, консервы аккуратно запаканы обратно, концентрат воняет, но не отравишься.

— Срок годности?

— Да какая разница, — клешня неряшливо клацнула. — Если не вскрывать, сгниет позже тебя.

Райзер застыл перед набором пайков, просчитывая в голове варианты дальнейшего обмена. Он пододвинул крупу, одну банку и два пакета к себе.

— Нужен комлинк. Вот так справедливо.

— Скорее вот так, — под смехок клешня загребла все припасы обратно. — И еще должен будешь. — Райзер молчал. — Это больше не примитивный приемник, а целая система подпольной связи. Полная свобода в ловле каналов,

выжженные частоты работают как миленькие. Знаешь, чем я особенно горжусь? Он не сторает после одного вызова!

— Тогда он точно мне нужен.

— Для чего? Ты же отшельник, Раз, все заказы тащишь в одиночку, за стоящие дела не берешься, подслушивать тебе не за кем. Поешь хотя бы свеженькой синтятины.

— Внести в лист, Флекс.

Их взгляды впервые встретились. Флекс показательно прищурился, намеренно выдерживая драматическую паузу.

— Ладно, гуляем! — он дважды клацнул клешней, и откуда-то подлетел неказистый аппарат, напоминающий испуганную черепаху. — Третий ярус, отсек списанной рухляди, принеси дяденьке игрушку и не урони по дороге, понял?

Несколько секунд аппарат висел в воздухе и тронулся к центральной полой трубе, откуда можно перемещаться между уровнями «Трущобы», только после легкого тычка клешни по корпусу. Он не летел свободно, как умели даже самые простые подручные дроны, а словно переваливался по невидимой лестнице, которая представляла то винтовой, то пологой, то вовсе круто уходила вверх, теряя промежуточные ступени.

— И аккуратно! — рявкнул Флекс вдогонку. — Без самодеятельности!

Райзер и Флекс смирно наблюдали за черепахой. Она проползла по воздуху до середины трубы и там замерла, прикидывая, не пора ли повернуть назад, но после очередно-

го визга продолжила перебирать невидимыми лапками к цели. Спустя пару неверных поворотов и опрокинутую коробку с хакнутыми конечностями к полукруглому брюху все-таки примагнитился крошечный модуль коммуникативной линковки. Флекс нажал одну из десятков кнопок чуть выше головы и скомандовал:

— Ну все, теперь залетай в шахту.

После этих слов черепаха скрылась в отделении экзоскелета и мгновенно оказалась перед Райзером, тыча в лицо с боем добытым устройством. Единственным признаком удивления стало дернувшееся левое веко.

— Дело сделано! И кстати, про дела. Как поживает твой ведроподобный охранник?

— Говорил же, Брик не охранник. Застревает на ровном месте, путается в прежних маршрутах. Надо обновить координирующий мостик. Есть?

— Есть-то есть, ты лучше скажи, как или чем отдавать будешь. Не думай, что я спущу тебе все должочки из грей-маркетской вежливости, — последовала пауза, которую Райзер не спешил нарушать, поскольку знал, что продуктивно вести дела с Флексом помогает игнорирование. — А, черт с тобой, мистер я-презираю-смор-токи. Есть сочная халтурка, припас специально для тебя. «МежТэк» запускает терминалы в районе Возрождения, нужно проверить, сразу сдохнут или опосля, — Флекс прихрюкнул и безуспешно попытался уловить движение хоть одного мускула на лице Райзера. —

Сам знаешь, экономят на своих же маячках, лишь бы протянуть вездесущие ниточки подальше. Но нам с тобой какая разница? Контракты с совестью давно переподписаны, так что предлагаю поработать чуть больше, чем ты привык.

— Отобьет комлинк и мостик?

— Еще как отобьет. Может, подкину тебе даже сверх того, допустим, стеклянку свежепереработанного протеинового концентрата.

— Идет.

— Знаешь... люблю я с тобой общаться, Раз, сразу настроение появляется. Завалялась у меня тут одна подгнивающая штука, забери-ка себе.

— Инертный гель для регенерации контактов нейроинтерфейсов, — констатировал Райзер, взяв в руку контейнер. — Только тараканов травить.

— А то в твоей халупе соседей нет? Если не возьмешь, даю бессовестное слово греймаркетчика, будешь только к немощным бабкам захаживать пылесосы калибровать.

Райзер положил неприятно теплый гель во внутренний карман, забрал комлинк и деталь для Брика и по привычке направился к парадному выходу.

— Не-а, — клешня резко лязгнула. — Внеплановые об-лавы мне тут не нужны, живо вышел как зашел.

Губы Райзера сжались, и это было первое внешнее проявление эмоции за последние дни.

За какие-то полчаса, проведенные в «Трущобе», туман

окутал улицы от разрушенных вершин высоток до проржавевших гильз в стоках. Видимость была не дальше вытянутой руки: дорога под ногами походила на минное поле и расклад снарядов менялся ежесекундно. Невесомая вязь лезла в глаза, оседая химическими хлопьями на ресницах, от которых предстояло как следует отмыться. И все же в расплывчатом свете район серых торговцев обмельчал до очертаний и стал по крайней мере терпимым. К тому же биометрические сенсоры были неспособны пробить этот щит техногенной ошибки, а воздушные патрули на время сложили свои крылья, поэтому навигационное чутье обострилось и безошибочно вело к убежищу. Он продирался сквозь затуманенные кварталы, становившиеся абстрактными галлюцинациями света и теней, и плотные облака городского яда, с каждым новым шагом все больше напоминавшие закупоренный болотный парник, пока вдруг не уперся в тугое сопротивление голографической иллюзии. Кожу охватил пронизывающий холодок, и под ногами возник плавный спуск, уходящий под фундамент огромного дата-центра.

Остаток дня Райзер провел в полузабытье. Как пробрался через технические тоннели, смысл городскую интоксикацию, заменил мостик Брика — все события тут же вылетели из головы, освобождая ресурсы организма для самоисцеления.

Ему приснился сон о том, что дата-центр когда-то дышал, и дыхание это отдавало специфическим запахом озона и перегретой пластмассы. Стройные шеренги серверных

стоек простирались в бесконечность, их мерцающие индикаторы отсчитывали такт невидимой симфонии данных, трубки охлаждения шипели, окутывая оборудование голубоватым туманом, обслуживатели скользили между рядами и методично сканировали каждый чип, каждый разъем, словно хирурги, проверяющие жизненные показатели пациента. Теперь одни только сбоящие вентиляторы да потухшие дисплеи напоминали о былом величии этого цифрового храма, превратившегося в руины, где кислая пыль из чего-то некогда инородного, что уже давно стало частью этого места, разносилась по помещениям.

Райзер открыл глаза за тринадцать минут до того, как нейроинтерфейс запустил бы утренний цикл. Его взгляд блуждал по дыре в потолке, монотонно перебирая клубок гниющих проводов. Бетон вокруг дыры был испещрен трещинами, похожими на карту полузабытого города. Одна из них, самая длинная, каждый день становилась чуть заметнее и сегодня прошла еще на миллиметр дальше — Райзер отметил это для внесения в еженедельный отчет о состоянии убежища. Левое веко дернулось коротким разрядом, что он сразу же внес в ментальный лог: «Тик участился втрое за последнюю неделю. Вероятная причина — перегрузка зрительного нерва во время ночных мониторингов». Райзер любил маленькие формальности.

Его убежище — бывший дата-центр «МежТэка», списанный за год до официального перехода корпорации на об-

лачные хранилища. Один из первых объектов компании, которая скорее терпела необходимость располагаться в отрожде брутализма с торчащими в разные стороны кубами. По подсчетам Райзера, в лучшие дни было задействовано около сорока процентов здания, остальные шестьдесят простаивали десятилетиями. Бетонную коробку бросили гнить на городском пустыре, как нежеланного ребенка, и такое опустелое место, наспех вычеркнутое из всех документов, идеально подошло нелюдимым повадкам Райзера, занявшего небольшую серверную секцию. Одним из немногих признаков обитания в дата-центре оставались периодические переливы аварийных ламп, будто выражавших тоску по утраченной полужизни.

Очередной запуск сигнальных огней остановила безжалостная рука, перезагрузившая систему поворотом ключа. Наступила абсолютная тишина. Дыра в самой реальности — Райзер знал это на уровне спинного мозга. Его пальцы непроизвольно сжались, когда внутреннее ухо начало улавливать то, чего не должно было быть слышно: сокращение мышц и сухожилий, давление в черепе, глухой стук сердца. В этой тишине мир распадался на части.

— Фантомный гул, стандарт.

Хлынула синтезированная запись «живого» дата-центра. Кровь, вливающаяся в умирающее тело. Фоновый шум заполнил пустоту, залатал дыру, вернул реальности ее привычные очертания. Но где-то на границе восприятия тишина

продолжала шептаться. Лампы слабо мерцали в такт, находясь в процессе перезапуска, будто пытались что-то сказать.

Но Райзер уже не слушал, его внимание переключилось на более важный ритуал. Тело инструмент, а каждый инструмент требует калибровки: он глубоко вдохнул, проверяя объем легких, затем стянул футболку и уменьшился визуально в два раза. Он начал с виса и подтягиваний на вентиляционной трубе, перешел к статическим удержаниям у стены, во время которых мышцы кора горели ровным информативным пламенем, закончил тягой импровизированных грузов в виде металлических стоек. Ровно столько, чтобы тело осталось функциональным, способным выдержать полевую нагрузку, но без перерасхода ресурсов. Веко дергалось, пот стекал по спине строгими дорожками — каждый сигнал фиксировался автоматически, служа данными для еще одного отчета.

Он подошел к рабочей станции, встроенной в стену там, где раньше находился серверный шлюз. Экран ожил при первом прикосновении.

— Полная диагностика. Приоритет — сетевые аномалии.

Система начала работу, когда снизу раздался металлический лязг.

— Хозя-а-аин! — с пронзительным дребезжащим голо-сом из-под стойки выкатился корпус, некогда оранжевый, а теперь выцветший до грязно-желтого. Его украшала глубокая царапина, на месте одного из сенсоров зияла дыра, за-

клеенная изолентой. Дисплей мигал прыгающими символами, обозначавшими радость.

Райзер опустил взгляд.

— Обнаружен враг! — запищал Брик, тычась в пол. Между трещинами в бетоне лежала скрепка.

— Это не враг, — сказал Райзер, держа руки в приготовленном положении над клавишами.

— Но он блестит! — Брик подпрыгнул на месте, его колеса скрипнули от резкого движения. — Все блестящее — мусор! Весь мусор должен быть убран!

— Это не мусор, — вздохнул Райзер. Он знал, чем это закончится.

Брик разогнался: «Активирован режим пожирателя!». Его корпус дрожал от возбуждения, вентилятор внутри завыл, как крошечный реактивный двигатель. С характерным хрустом скрепка исчезла в недрах устройства. Раздался звук, словно кто-то бросил горсть гаек в блендер. Брик дернулся, его дисплей погас, а потом замигал красным и показал два крестика.

— Ка-та-стро-фа... — голос растянулся, замедлился, проигрываясь через поврежденный динамик.

Райзер снова вздохнул — это был третий инцидент за неделю. Он перевернул пылесос, поддел скрепку, аккуратно встряхнул корпус. Из Брика звонко выпал согнутый инопланетный иероглиф.

— Ты мусор, — констатировал Райзер.

Станция тем временем завершила процедуру. В воздухе замерцали строки кода, схемы маршрутизации, графики нагрузки.

— Сканировать скрытые сокет. Глубина проверки максимальная.

Компьютер задумался на несколько секунд. Где-то в глубине системы зажужжали вентиляторы. Наконец на экране появился отчет: **ВНЕШНИХ СОЕДИНЕНИЙ НЕ ОБНАРУЖЕНО; ЛАЗЕЕК В МЕЖСЕГМЕНТНОЙ МАРШРУТИЗАЦИИ НЕТ; ЦЕЛОСТНОСТЬ СИСТЕМЫ: 98%.**

Система чиста. Никаких следов вторжения, никаких цифровых тараканов в вентиляции его сети. Райзер уже собирался завершить сеанс, когда экран дрогнул.

**НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ В КЭШЕ
УРОВНЯ 3. РАЗМЕР: 12,7 МБ. ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ:
02:17:31**

Пальцы провалились в клавиатуру. В два ночи Райзер спал.

Глава 2. Ядовитый воздух

Семьдесят два часа непрерывного анализа. Райзер просканировал каждый байт локальной памяти, проверил целостность секторов, перебрал все активные узлы и соединения в пределах своей внутренней сети. Он разложил архитектуру на составляющие, отследил каждый пакет, каждый отклик, прослушал внутренние каналы. Он знал свою систему лучше, чем собственное тело — а тело сейчас напоминало о себе тупой болью в перетруженных мышцах, сухостью глаз и навязчивым подергиванием левого века.

Но объекта не было. Не то чтобы он не мог его расшифровать или удалить — он не мог даже обнаружить следов вторжения.

Гул серверов, обычно убаюкивающий, теперь резал слух. Райзер не спал больше суток. Тело требовало отдыха, но мозг отказывался отключаться, зациклившись на одном неразрешенном вопросе: как можно потерять то, что находится прямо перед тобой? Как можно знать о существовании угрозы, но не иметь возможности увидеть ее следы? Впервые за долгое время Райзер ощутил разъедающую злобу. Он всегда находил ответ. Даже если задача казалась нерешаемой, он разбирал ее на части методично до тех пор, пока не обнаруживал слабое место. Но этот объект не был задачей — он был насмешкой.

Брик скользил, мягко урча приводами, Райзер следил за ним взглядом. Этот кусок пластика был последним «существом», бодрствовавшим в убежище в тот час. Но его примитивные логи были пусты: ни странных сигналов, ни помех.

Райзер поймал себя на том, что стирает пыль с экрана рабочей станции уже второй раз за день. Он подошел к вентиляционной решетке. Обычно ее мерное гудение сливалось с общим шумовым фоном убежища, но сейчас звук был иным — чуть выше тоном, с легким присвистом. Он поднес ладонь к выходному потоку, и через минуту кожа покрылась тончайшим, едва заметным налетом. Райзер провел пальцем по металлической поверхности и собрал толстую полоску пыли. Неоптимально.

После трех суток безуспешной охоты за цифровым тараканом в кэше, бессонницы и напряжения, убежище перестало быть ковчегом. Оно стало капсулой с пыльным воздухом, и теперь это ощущалось особенно остро.

Тело зудело от нужды сменить паттерн. Почувствовать под ногами не гладкий бетон, а бугры и трещины уличного асфальта. Услышать не монотонный гул серверов, а хаотичную какофонию города: грохот строек, копошение масс, случайные визги и крики ни о чем. Вдохнуть воздух, который пахнет не только его собственной пылью. Пусть даже он будет ядовитым — зато другим.

Он сунул воздухоочистительный фильтр в карман потерянной куртки — образец для поиска, чтобы не ошибиться.

Брик издал вопросительный гудок.

— Жди, — сказал Райзер.

Почерневшие остовы небоскребов торчали, как обугленные кристаллы, стянутые ржавой арматурой. Над руинами города нависали новые постройки: серые модульные блоки, собранные на скорую руку из типовых секций. Без окон, без вывесок, без права на индивидуальность. Только блеклый свет из вентиляционных щелей вдоль стен говорил о том, что внутри кто-то живет.

В гуще этого пейзажа, на перекрестке, сидел старик с ящиком «подлинных артефактов». Он размахивал потрепанным снимком, тыча им в лица прохожим. Хриплый голос пробивался сквозь городской гул:

— Фотографии прошлого! Смотрите! Зеленые деревья! Чистое небо! Люди улыбаются без стимуляторов! Настоящая жизнь!

Желтоватая бумажка в его дрожащей руке показывала неестественно яркую зелень, лазурь без единого облачка и лица с широкими улыбками до глаз. Контраст с окружавшей серостью, вонью и унынием был настолько резким, что казался издевательством.

Старик, уловив мимолетную задержку Райзера, молниеносно встал и сделал шаг вперед, перекрывая путь. Его пальцы, обмотанные грязным бинтом, судорожно сжимали фотографию.

— Смотри, парень! — хрип перешел в навязчивое шипе-

ние. — Вот оно — счастье! Настоящее! Трава, солнце, дети бегут! — Он тыкал пожелтевшим углом снимка в грудь Райзера. — А у тебя что? Гниль, трубы да балки! Ты даже небо забыл, как выглядит! Заточен в своей консервной банке с гудежом! Ду-у! Ду-у!

Обычно Райзер проходил мимо. Шум. Помеха. Коэффициент полезного действия таких взаимодействий нулевой. Но сегодня что-то сломалось. Может, накопившаяся усталость от невидимого объекта, может, ядовитый воздух, а может, эта наглая ложь, подсовываемая как спасительная таблетка.

Старик не унимался:

— Не веришь? Да ты ослеп! Забил мозги своими чипами! — Слюна брызнула в лицо Райзера. — Небось думалку себе выжег! Пятнашка токов — и гляди! Гляди на реальный мир! Вспомнишь, что ты человек! Дышать научишься заново!

Левое веко Райзера дернулось так сильно, что глаз на миг закрылся. Когда он снова открыл его, вспыхнул холодный, опасный огонь. Он молниеносно выхватил фотографию из цепких, но немощных пальцев старика.

— Замолчи, — голос прозвучал тише городского гула, но ощущался отчетливым щелчком предохранителя.

Он не смотрел на изображение, а изучал качество бумаги, медленно водя подушечкой пальца по краю глянцевой поверхности.

— Свежая, вот следы промышленного лака. Оттиск не

старше полугода, — проговорил он, переворачивая снимок.
— Вот шов. Лазерная резка кустарного производства.

Старик скривил беззубый рот:

— Ну и что? Красиво же!

Райзер не ответил. Он ткнул пальцем в изображенное небо:

— Слишком синее — ни облака, ни дымки. Как в детских раскрасках. Такого не бывает даже в заповедниках. Деревья! Листья один в один — ни разницы в оттенках, ни различий в форме. Генномодифицированный урод, нарисованный ИИ.

Он прищурился, всматриваясь в лица с фотографии:

— Люди, улыбки. Рот растянут, а глаза? Пустые. Как у клоуна, которому все надоело. Настоящая улыбка она здесь, — он коснулся уголка своего глаза. — Морщинки, гусиные лапки. Здесь их нет. Плохая симуляция. Стоимость твоего прошлого — ноль целых три десятых токена.

Он бросил фотографию к ногам старика. Та упала лицевой стороной в масляную лужу. Яркие краски поплыли, превращаясь в мутное, бурое пятно. Старик не нагнулся.

— Паршивец, — буркнул он.

В кармане Райзер нащупал плоскую, гладкую кассету. Навязчивый символ домашней пыли, от которой он сегодня сбежал.

Найти замену. Прочистить убежище.

Он двинулся вдоль улицы, мимо витрин, заклеенных потертыми объявлениями: «Дешевые стимуляторы!», «Чи-

ним импланты 24/7! Гарантия — честное слово!». Свернул в узкий проулок, где аритмично мигала вывеска: «Кибер-утиль».

За прилавком восседала пожилая смуглая женщина с кольцами в носу и седыми волосами. На переносице старый оптический монокль с фонариком. Его линза, покрытая мелкими царапинами, отбросила резкий луч света, когда хозяйка покосилась на вошедшего.

— Молодой человек? — голос прозвучал, как скрип несмазанной двери. — Ищешь счастье в таблетках или горе в бутылке? Или, может, проводок для мозгов? У меня есть и то, и другое, и то, чего нет. Если хорошо попросишь.

— Фильтр, — Райзер положил на прилавок образец. — Тонкой очистки. Вот такой.

Женщина свистнула сквозь зубы. Луч монокля заскользил по поверхности. Она подняла кассету, взвешивая ее на ладони.

— Год-два назад такой еще можно было найти в подвальных складах. Теперь... — она мотнула головой в сторону задника, заваленного грудой непонятного железа. — Теперь их выдирают на запчасти быстрее, чем крысы портят товар. Чистят воздух от наночастиц лучше, чем персональные импланты.

Райзер не моргнул, встретив луч монокля взглядом.

— Есть в наличии?

— Ха! — женщина откинулась в кресле, и монокль погас.

— Такие штучки не пылятся на полках. Их ищут и не находят, а те, кто достает, достает по спецзаказу. У меня есть один пособник, знает, где валяются списанные «Циклоны» с третьего энергоблока. То, что тебе нужно, костлявый.

— Стоимость?

— За поиск, риск и доставку чистенького фильтра к твоей дверце? Две тысячи. Наперед.

За эти деньги можно было купить несколько новых фильтров — но больших и шумных, а ему был нужен компактный и тихий, идеально подходящий для убежища. Вот только здесь все пахло скамом: полная предоплата, сомнительный посредник посредника и корпоративная охрана, которая могла в любой момент накрыть всю аферу. Рисковать было неразумно.

— Слишком, — констатировал Райзер.

— Для чистого дыхания? — она фыркнула. — Ладно, сокол. Тогда могу предложить вот это.

Она швырнула на прилавок что-то похожее на картридж от огнетушителя, покрытый ржавыми подтеками.

— Снят с танкера химотходов. Мощный! Вытянет из воздуха все, включая воспоминания. Двести токов.

Ответа не последовало.

Райзер вышел на улицу, и сразу же его уши заполнил низкий, нарастающий гул. Он инстинктивно поднял голову, шурясь от дерганого света вывески и пытаясь разглядеть мутное пятнышко корпоративного лайнера, что с трудом проби-

валось сквозь плотную завесу смога. В детстве он мог часами смотреть на самолеты, представляя, куда они летят. Теперь он знал ответ: из одной стеклянной башни в другую, перевозя усталых менеджеров с их стандартными чемоданчиками и стандартными мечтами. Но даже это знание не могло убить странное чувство, когда смотришь на металлическую птицу, плывущую так высоко, будто она действительно свободна.

Его настиг дрон — коробочка с треснувшим дисплеем и пропеллерами, жужжащими, как разъяренная оса. Он завис перед самым лицом Райзера, загораживая путь. Экран вспыхнул неестественно ярким светом, пиксели сложились в лицо девушки. Слишком симметричное, слишком безупречное. Голубые волосы, голубые глаза, голубые губы.

— Устали от стресса, господин? — визжал синтезированный голос, перекрывая уличный галдеж. — Попробуйте «КлирХед»! Инновационный дренаж кортизола и адреналина! Никаких имплантов! Безболезненная чистка сознания!

Райзер резко шагнул в сторону. Дрон тут же последовал, как привязанный. Его экран сменил картинку: теперь там пульсировал розовый мозг, испещренный черными каплями.

— Один сеанс, и тревога, гнев, тоска уходят! Технология мягкой нейрофилтрации...

— Контрафакт, — процедил Райзер.

— Э-это... — дрон завис.

— Вы выкачиваете гормоны, но блокируете рецепторы их

выработки. Первые три месяца — апатия. К полугоду потеря базовых эмоций. Год — вегетативное состояние. Вы продадите лоботомию в рассрочку.

Дрон издавал нервное жужжание, судорожно пытаясь стабилизироваться. Его экран лихорадочно перебирал стандартные ответы на критику: «Продукт сертифицирован...», «Проконсультируйтесь со специалистом...». Но Райзер уже не слушал. Его взгляд скользнул по корпусу аппарата, зацепившись за едва заметный логотип, выштампованный возле зарядного порта: капля и волна с автографом «АкваФарм».

— Любопытно, — пробормотал он.

Пальцы уже скользили по мультитулу в кармане. Короткий щелчок, и дрон затрепыхался, как рыба на суше, пропеллеры захлебнулись, экран погас. Он рухнул бы на тротуар, но Райзер уже подставил руку, поймав его на лету. Темное треснувшее стекло отразило холодный расчет в глазах. Другая рука достала из потаенного кармана штырек с иглой на конце, которая легко вошла в крошечный разъем под резиновой заглушкой дрона. Тот дернулся в попытке вырваться, но сигнал уже был перехвачен. На миниатюрном экранчике штыря заплясали строчки непонятных символов. Райзер обходил защиту, искал нужное — и нашел хаб корпорации, где должны были лежать утиль и брак. Бинго.

Райзер выдернул штырек. Экран засветился рекламой «КлирХеда», и дрон снова зажужжал в назойливом полете.

— Продавай свою лоботомию дальше.

Ночь опустилась на город густым маслянистым покрывалом. Райзер выбрал тенистый маршрут по задворкам технопарка, где камеры слежения давно ослепли от вандалов и времени.

Сервисный хаб «АкваФарм» оказался унылым трехэтажным бетонным кубом, больше похожим на кладбище забытых машин. Все ценное уже уплыло в новый комплекс на окраине.

Райзер замер на крыше соседнего здания, сканируя периметр точеным взглядом. Система освещения кишела мертвыми зонами — островками тьмы меж редких, тусклых фонарей. В будке у шлагбаума неподвижно сидел охранник, явно погруженный в дешевые фантазии. Его взгляд был устремлен в пустоту, на виске поблескивал протоинтерфейс.

Северная сторона: заросший пустырь с ржавым забором, местами просевшим в землю. Даже в темноте движение на фоне пустыря было бы заметно с дороги или из окон соседних полуразрушенных цехов. С востока заманчиво смотрела дыра в ограждении, аккуратно затянутая инородной колючей проволокой без следов коррозии. Аккуратность «ремонта» настораживала — возможная ловушка или место частого патрулирования. На юге находился главный вход с прозрачными дверьми, перед которыми ковром стелились свежие окурки и пустые ячейки кофедоза. Дополнительную угрозу создавал робот-уборщик старой модели — неуклюжее корыто на скрипящих гусеницах с единственным манипулятором.

Он вяло курсировал по предсказуемому паттерну, но его сенсоры, хоть и работали с перебоями, могли засечь любое аномальное движение у заветных и недоступных дверей.

Западная сторона: вентиляционные шахты с рыхлыми заржавевшими решетками. Никаких следов патрулирования. Идеальная точка входа.

Райзер выбрал самую неприметную шахту. Решетка поддалась мультитулу со скрежетом. Металлические стенки шахты были липкими от конденсата, местами покрыты странными волокнистыми наростами — то ли плесень, то ли какой-то биотехнологический кошмар «АкваФарм». Двадцать три минуты ползком в кромешной тьме, ориентируясь только на тактильные ощущения и отсчет времени в голове. Нытье спины усугублялось старыми перегрузками.

Наконец шахта вывела его в подвальный техотсек. Здесь царил хаос заброшенного музея технологий: стеллажи с приборами разных эпох, некоторые еще с маркировками 20-х годов, в разобранном виде, похожие на выпотрошенных роботов. Узкая неприметная дверь в глубине вела к основанию винтовой лестницы. Райзер приоткрыл створку на сантиметр, в щель хлынул запах застоявшейся краски и пыли. Ни единого звука изнутри, кроме собственного дыхания.

Маленькая промежуточная площадка первого этажа встретила его гнетущей теснотой и прохладой стен. Одна дверь вела в коридор первого этажа, откуда доносился далекий ровный гул генераторов и чуть различимый, знакомый

скрежет того самого уборщика. Другая — открывала путь вверх, по продолжающейся винтовой лестнице. На облупившейся серой стене висел план здания, покрытый слоем паутины. Взгляд Райзера мгновенно впитал схему: администрация, охрана, генераторная на первом этаже, склады на втором, зоны ремонта и списания на третьем.

Под ногами были последние ступени винтовой лестницы, а перед лицом — дверь на третий этаж. Райзер взялся за ручку, готовый к выходу в зону списания, и замер. Свет под дверью резанула черная полоса. Райзер вжался в шершавую бетонную стену лестничной шахты, сливаясь с ее фактурой, став частью затхлой конструкции. Левая рука сама нашла мультитул в кармане, пальцы сомкнулись на рукояти с такой силой, что костяшки побелели. Треск вентиляции сверху превратился в навязчивый, зловещий рокот, заполняющий череп.

Тень уползла в сторону. Глубокий прерывистый выдох вырвался из легких. Больше никого, только тот же навязчивый гул вентиляции, теперь звучащий как дыхание спящего гиганта где-то в глубине. Ни шагов, ни скрипа, ни голосов. Пальцы, секунду назад сжимавшие мультитул, нашли дверную ручку. Давление плавное, рассчитанное на микрон. Замок внутри отозвался тихим кликом. В щель хлынул искусственный свет, режущий после полной темноты лестницы.

Цель была здесь, в зоне временного хранения перед утилизацией. В ней царил относительный порядок: коробки с

маркировкой «списание» стояли ровными рядами, каждая с чипом идентификации. Взгляд Райзера, привыкший выхватывать ключевое из потока данных, скользил по ярлыкам: «Фильтры грубой очистки. Партия F-88. Причина списания: бракованный пластик корпуса», «Биосенсоры “Кровоток”». Партия K-17. Причина списания: устаревший интерфейс», «Анализаторы воздуха “Чистый Лист”. Партия A-45. Причина списания: несоответствие новым протоколам калибровки». И вот — «Фильтры “Циклон”. Партия 422-K. Причина списания: несоответствие стандартам узаконенной упаковки». Коробка была затянута защитной пленкой, поверх которой красовался штамп «Забраковано». Райзер надрезал пленку и вскрыл клапан. Внутри, в индивидуальных антистатических коконах, лежали фильтрующие кассеты, совершенно идентичные той, что он принес за образец. Новые, чистые, без малейшего дефекта. Абсурд корпоративной бюрократии: ценный ресурс, обреченный на уничтожение из-за неправильной коробки. Он быстро извлек две кассеты, спрятал под куртку, остальное вернул в коробку.

Вентиляционная шахта встретила его как старого друга: теснотой, липкостью и духотой. Обратный путь казался еще дольше, будто Райзер продирался через химическое болото со всеми отходами города. Когда он вылез наружу, втянув полной грудью пропитанный смогом городской воздух, тот показался свежим, желанным глотком свободы после удущья корпоративных кишок. Два бесценных фильтра плот-

ным прямоугольником давили на ребра.

Убежище приветствовало знакомым гулом серверов: низким, ровным, умиротворяющим. Брик, завидев хозяина, издал гудок и заездил вокруг его ног, умело петляя благодаря новому координирующему мостику.

Новая кассета вошла в гнездо с глубоким, почти живым вдохом. Райзер прислушался — качество тишины изменилось. Исчез тот едва уловимый присвист, скрежет микрочастиц, царапавших поверхности. Оптимально. Маленький хаос побежден, система снова функционировала в заданных параметрах.

На столе, рядом с терминалом, лежал небольшой контейнер из матового черного пластика — внутри тускло мерцал гель. Бессмысленный жест Флекса напомнил, что завтра, после завершения ежедневной диагностики сети, предстоит несколько часов элементарной работы, еще один логичный шаг в непрерывном потоке дел. Рутинная процедура.

Глава 3. Рутинная процедура

Терминал стоял в нише обшарпанного офисного здания, его экран покрылся призрачным слоем уличной грязи. Райзер провел пальцем по разъемам: стандартный интерфейс с царапинами вокруг портов. Слишком много подключений за последнее время.

Левая рука потянулась к диагностическому модулю размером с пачку сигарет на поясе. Райзер собрал его из списанного оборудования: перепаянные контакты, кустарный декодер сигналов и кое-как стабилизированный источник питания, который иногда бил током. Зато он умел то, чего не могли корпоративные аналоги, — бесшумно подбираться к защитным протоколам, залезать в щели между устаревшим железом и новым ПО, которое «МежТэк» насильно впихивал в терминалы, экономя на замене оборудования.

Три светящиеся точки на корпусе мигнули красным — заряд на критическом уровне. Райзер щелкнул переключателем и перевел модуль в режим оптимизации: теперь крот питался от нейроимпланта, вызывая легкое покалывание в виске. Устройство зашептало с терминалом на языке протоколов «МежТэка».

Райзер взял заказ по старой, проверенной схеме — через Флекса. Это избавляло его от необходимости лезть в греймаркет лично. А посещение греймаркета было равносиль-

но игре в русскую рулетку с половиной заряженного барабана. Там, под прикрытием полуразрушенных киосков и перекошенных гаражей, торговали смертью, замаскированной под товар. Просроченные шунты с микротрещинами в гильзах, которые могли разгерметизироваться в любой момент, стимуляторы, собранные из выловленных на свалках чипов с непредсказуемой прошивкой, восстановленные импланты, чьи контуры питания имели неприятную привычку перегреваться прямо в черепной коробке. Но даже это было не самое страшное. Хуже были торговцы с выцветшими татуировками на шеях. Они с улыбкой впаривали «усиленный протеин», который на поверку оказывался перемолотым пластиком с добавлением психоактивных стабилизаторов. Нужный товар в нужном качестве доставался только своим. Флекс был своим: десятилетиями плавал в этих мутных водах, знал все подводные течения и мог достать даже очищенную, как он выражался, синтятину.

«МежТэк» официально не контролировал эти трущобы, но их сенсоры опутали район невидимой паутиной. Каждая покупка, каждый обмен фиксировались и заносились в базы. Алгоритмы аналитики выискивали паттерны в этом хаосе, вычисляли «сбои». И когда кто-то становился слишком заметным, появлялись они. Люди в оранжевых комбинезонах с логотипом «Технической инспекции». Косцы. Они вежливо объясняли, что ваш самодельный мандражник не соответствует корпоративным стандартам безопасности и его необ-

ходимо изъять для утилизации и вашего же блага. Будьте добры снять и все сопутствующее оборудование, даже если оно проходит через мышцы вашей шеи, иначе...

Райзер предпочитал работать через Флекса. Он не размахивал флагом «цифровой гуманизации» и не обещал светлого будущего. В отличие от «МежТэка», чьи голограммы показывали улыбающихся ветеранов, снова обретших радость жизни благодаря протезам нового поколения. Райзер видел изнанку этого спектакля: как в полночь по стандартному корпоративному времени эти самые протезы отключались у тех, кто задержал платеж, как реабилитационные центры пахли едким сочетанием хлорамина и перегретой кремниевой платы — верный признак работающих нейрогенных скальпелей. Как за брошюрами о «возвращении к полноценной жизни» скрывались контракты на участие в экспериментальных программах.

Он не был диссидентом. Он был инструментом — отточенным, безэмоциональным, идеально предсказуемым в своих действиях. Инструменты не задают неудобных вопросов, не ведут тайных дневников, не оставляют следов. Они просто выполняют работу. А когда срок их службы подходит к концу — молча отправляются в утиль.

Маршрут предусматривал проверку еще двух терминалов. Райзер сверился с часами — двенадцать минут с начала операции. План соблюдался, но следующий пункт вызывал сомнения: терминал значился в заброшенной биохимической

лаборатории.

Подъем по аварийной лестнице подтвердил худшие ожидания. Ступени осыпались под весом, а дверь в нужный сектор оказалась заблокирована нагромождением плит и арматуры — следы недавнего частичного обрушения. Пришлось потратить четыре с половиной минуты, чтобы расчистить узкий проход. Когда он наконец протиснулся внутрь, перед ним предстала удручающая картина: скелеты реакторов торчали из-под обломков, словно ребра гигантского существа, стены покрывали синие прожилки сульфата меди, желтые подтеки серы, черные кляксы углерода.

Терминал врос в стену рядом с развороченным шкафом. Не просто запыленный, мумифицированный под коркой химических отложений. Индикатор питания мигал с прерывистой настойчивостью: две вспышки, пауза, повтор. «Прекрасно», — мелькнуло в сознании Райзера. Сначала скальпель — тонкое лезвие отскребло разъемы, отломав окаменелые фрагменты. Затем компактный пневмоочиститель из поясного комплекта — кропотливая очистка заняла еще три минуты. Даже после этого контакт удалось установить только со второго раза: в первый терминал завис при попытке рукопожатия. Крот выдал каскад ошибок: битая память, перегрев, скачки напряжения. Райзеру пришлось подключить внешний стабилизатор, что заняло дополнительное время. Затем последовала серия перезагрузок и принудительных откатов системы. В итоге полная диагностика заняла

двадцать четыре минуты — вдвое дольше запланированно-го. Райзер занес в отчет особую пометку: «Требуется полная замена узла. Временные исправления неэффективны». Он знал, что корпорация проигнорирует рекомендацию, но формальности были соблюдены.

Райзер бросил последний взгляд на устройство. Индикатор снова мигал тем же ритмом. «Удачи тебе», — подумал он. Последний терминал ждал в оранжерее.

Переход из затхлой лаборатории и удушливой улицы в цветущий климатрон вышел болезненным. Райзер замер, давая глазам привыкнуть к чрезмерно яркому свечению ламп, прежде чем сделать первый шаг вперед.

Оранжерея была чужой. Не в юридическом смысле: табличка у входа четко указывала на собственность «МежТ-эка», проект «Флора-Ревита». В каком-то более глубоком значении. Это место дышало искусственной жизнью, слишком правильной, слишком возвращенной, чтобы быть настоящей. Слева тянулись стебли ксанторрей, чьи кожистые листья были пронизаны тонкими капиллярами с флуоресцентным гелем. Справа — генномодифицированные клены. Их листва переливалась искусственным градиентом от глубокого индиго до угольно-черного. Вокруг стояли ряды розовых, идеальных лилий. Райзер провел пальцем по бутону — никакого бархата живой ткани, ни единого пятнышка, ни малейшей асимметрии. Каждый бутон был клоном предыдущего.

Он медленно продвигался вперед, ботинки с хрустом про-

валивались в мох, покрывавший стеклянный пол. Каждый шаг вызывал странное ощущение, будто под ногами ломаются сотни микроскопических костей. Воздух был тяжелым, насыщенным противоестественной смесью: приторная сладость синтетических цветочных ароматов боролась с металлическими обертонами технологий.

Терминал притаился под гигантскими листьями монстер. Райзер осторожно отодвинул растительность в сторону — листья оказались неожиданно теплыми на ощупь, будто наполненными жидкостью вместо сока и жидкость эта напоминала слюни цербера. Терминал был чистый: ни пыли, ни брызг грязи, ни отпечатков пальцев на панели. Крот на поясе Райзера тихо вибрировал, издавая серию почти неслышных недоуменных клацаний. Устройство сканировало окружающий эфир, цепляясь за фоновый шум систем жизнеобеспечения растений, но не могло понять, почему терминал такой... нетронутый. Новый, как из упаковки, и совсем не похожий на стандартные корпоративные модели. Зачем вообще проверять этот терминал? Он работал безупречно, в отличие от двух предыдущих. Может, ошибка в задании? Или типичный корп-регламент?

Райзер подключил крота. Щелчок прозвучал глухо, как вправляемая на место костяшка пальца.

Система загрузилась за ноль целых и две десятых секунды. На экране появился стандартный интерфейс диагностики. Строчки полетели вниз с точностью метронома: провер-

ка памяти, тест интерфейсов, сканирование протоколов. Все в норме. Райзер переключился на просмотр логов доступа: пусто. Не «очищено», не «затерто» — крот бы такое показал. Ни следов предыдущих сессий, ни временных файлов, ни даже стандартного системного мусора, который копится в любом устройстве после первого же включения.

Взгляд скользнул в нижний угол экрана, где среди технических данных мерцало время последнего обслуживания: *20 июля, 23:08*. Ровно тот момент, когда Райзер начал диагностику.

Оранжерея замерла: ни шелеста листьев, ни потрескивания ламп. Только капли, падающие с купола, издавали жалобный писк. На миниатюрном дисплее крота бежали строчки отчета, их ритм казался неестественно громким в гнущей тишине.

Крот дернулся. Индикаторы вспыхнули красным, затем погасли, затем снова загорелись. На экране проявилась диаграмма распределения нагрузки по каналам. Канал ноль: без движения. Канал один: повторяющийся каждые полторы–две секунды импульс. Вместо резких фронтов, характерных для цифрового сигнала, Райзер отметил сглаженные пики. Канал два — нулевая буферизация, но счетчик показывал передачу данных. Почти восемнадцать тысяч пакетов. Назначения нет — они исчезали сразу после отправки.

Крот дрожал. Корпус вибрировал, издавая ультразвуковой писк. Райзер продолжал игнорировать — он уже углу-

бился в служебные процессы и увидел в названиях абракадабру. Бессмыслица, но не случайная — слишком структурированная и... намеренная. Пальцы вбили команду трассировки.

Экран терминала моргнул на долю мгновения, и в мерцающей щели между строчками наименований проступили символы. Райзер успел прочесть, прежде чем они рассыпались в цифровую пыль: **CONTAINMENT BREACH IMMINENT.**

Он резко отпрянул — инстинкт вытолкнул его назад. В голове пронеслась простая мысль: «Контур вскрыт».

Крот взвыл. Его экран заполнился кашей из нечитаемых символов и погас. «Активирован режим лимбо», — произнесла система и умерла.

Райзер выругался сквозь зубы, опустил руку к разъему крота, но пальцы не торопились его извлекать. Впервые за долгие годы Райзер ощутил нечто, что давно вычеркнул из своего арсенала — сомнение.

Терминал аварийно завершил сессию. Повторный запуск. На экране не было интерфейса, только черный фон и одна дрожащая строка текста: **СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН.**

Куда отправлен? Кому? Райзера повело, будто земля под ногами внезапно ушла в сторону. Внешнее соединение. Тень, прилипшая к его цифровому следу, тихий паразит, который не ломает двери, а просто сидит в углу и слушает, как он дышит. Холод скатился по позвоночнику до самых пя-

ток. В груди сжалось, как перед затяжным падением. Райзер ощутил невидимые пальцы: они осторожно трогали границы его мыслей, проверяя, насколько легко их можно сжать в кулак. Страх — острый и конкретный — пронзил ребра, заставив диафрагму сжаться. Это было... ново. Инструмент впервые почувствовал лезвие точильного камня. И понял, что его срок службы, возможно, только что истек.

Глава 4. Окровавленное лезвие

Фундамент его цифрового «я» дал трещину. Кто-то синхронизировался с ним, слился на уровне протоколов, вытянул сырой лог жизненных показателей. Невидимый паразит уже мог создать дубликат его биометрических ключей: сердечного ритма, голоса, моторного рисунка, узнаваемых, как штрих-код. Он был призраком в машине, которой кто-то уже учился управлять. И этот кто-то скоро узнает все: как он дышит, чего боится, куда побежит.

Первая мысль — «МежТэк». Но не их обычная служба безопасности, а что-то глубже, вроде лаборатории особых исследований. Или конкуренты, копающиеся в отходах «МежТэка», выживая огрызки технологий. Для них он стал бы идеальным проводником, живым носителем данных. Все могло оказаться даже хуже: вдруг это блуждающий незарегистрированный ИИ из даркнета или фантом, жаждущий живого тела?

Райзер шел по узкой улочке, зажатой между зубьями полуразрушенных небоскребов. Ржавые балки-костыли, сковывавшие агонизирующие фасады, внезапно обрели в его восприятии чудовищное сходство с гигантскими артикуляционными узлами боевых экзоскелетов. Каждый металлический стык выглядел теперь как затекший смазкой шарнир, готовый с хрустом развернуться. Именно в этот момент за-

пьястье сжала внезапная судорога. Шрам старого локатора. Годами молчавший клапан вдруг послал ложный импульс. «Обычный сбой мертвого железа», — констатировал разум. Но нервы, натянутые как струны, кричали иное: где-то шелкнул тумблер, теперь невидимый луч скользит по костям, сканируя изнутри, выискивая слабые места в его цифровой броне.

Впереди, в толпе, раздавался прерывистый треск, словно кто-то нажимал и отпускал кнопку старого диктофона. Звук исходил от женщины с чересчур гладкой походкой — идеальной, механической. Треск синхронизировался с его собственным пульсом, ускорился, когда он попытался отстать. Он нырнул под арку, в отсыревшую темень переулка. Женщина исчезла из виду, но ритмичное «т-т-т-т» продолжало преследовать, пульсируя в такт учащенному сердцебиению. Над головой, на балконе пятого этажа, замер голубь с черными глазами. Не клевал, не ворковал. Просто смотрел.

Они уже там? Контролируют серверы? Мониторят входы? Мысли метались сборищем тараканов, запертых в тесной клетке, взывая к ненавистному протоколу «Стеклянный дом». Одно правило: если убежище скомпрометировано — оно становится ловушкой. Возврата нет. Никаких попыток спасти оборудование, стереть следы. Только уйти. Его крепость, дата-центр, единственная точка контроля теперь потенциальная засада. За дверью мог скрываться любой из сотен капканов, которые знал Райзер. Первым тревожным зво-

ночком стала бы тишина — неестественная, глубокая, без привычного гула серверов. Или, наоборот, рев вентиляторов на пределе. Брик встретил бы мертвой статикой или странными движениями чужого интеллекта, занявшего место простодушного помощника. Внутри мог бы царить бардак: стул под странным углом, слишком аккуратные кабели, чистый любимый нож на столе, который был оставлен с пятнами синтетической крови.

Он заставил себя дышать размеренно: четыре секунды вдох, шесть — выдох. Но холод паранойи уже растекался по венам, сковывал мышцы. Он не знал врага, не понимал, кто именно следит, кто идет по следу. Эта неизвестность была хуже конкретной угрозы: она превращала каждый блик света в объектив камеры, каждый шум в шаги преследователя. Единственным преимуществом было то, что они еще не знали, что он заметил слежку.

В сознании прорезался единственный выход — мертвый шунт. Цилиндрик холодного стекла много месяцев лежал в потайном кармане нарукавника. Легкий и неумолимый, словно приговор, которого он надеялся никогда не услышать. Райзер носил его как последний патрон на крайний случай, стараясь отгонять мысль, что этот случай может наступить. Это была крайняя мера, за которой начиналась непредсказуемая пропасть. Три минуты клинической смерти — цифра, выжженная в памяти рядом с леденящими девятьюдесятью процентами фатальных исходов. Вернуться из

этой бездны мог не каждый, а те, кто возвращался, приносили с собой невидимую метку, частицу холода в костях, которая со временем кристаллизовалась в сводящий с ума таймер. Но важнее было другое: во время мнимой смерти биометрия срывалась с крючков слежки. Импланты замолкали, системы фиксировали нулевой сигнал, видели лишь труп. Для цифрового мира он бы перестал быть Райзером и превратился в безымянный мусор.

Рука действовала без колебаний. Годы отточенных движений взяли верх над сомнениями. Райзер поднес кристально чистый цилиндр к отверстию в предплечье. Резким и точным движением, словно вставляя кассету в гнездо, вогнал шунт в порт до упора.

Эффект оказался мгновенным и необратимым. Идеально прозрачное стекло цилиндра стремительно запотело изнутри — видимый знак принесенной жертвы. Ледяная волна прокатилась по венам, сковала мышцы, парализовала волю. Мир перед глазами потерял резкость и смысл: краски растворились в серой мути, звуки утонули в густой вате молчания. Райзер ощутил, как земля перестала быть опорой, гравитация превратилась в пустоту. Его тело, обмякшее, чужое, жалкое, лежало в грязи, излучая нулевой сигнал. Для мира, жадно искавшего следы, он просто перестал существовать.

Влажный холод проедал куртку, в ушах стоял песочно-стеклянный лязг, ведь мозг уже забыл, как обрабатывать звук. Райзер попытался пошевелиться. Мышцы отозвались

вязким сопротивлением, будто ржавые шестерни. Физический дискомфорт был тотальным, но парадоксально отстраненным — боль принадлежала не ему, а другому телу, с которым его соединял неисправный интерфейс.

Райзер сидел на корточках в коробке заброшенного лифта на минус третьем уровне недостроенного хаба. Голова все еще гудела низкочастотным звоном — остаточный шум пустоты, фоновый процесс, пожиравший ресурсы мозга. Он сжал виски, пытаясь выдавить из себя ясность. Три минуты небытия купили ему время, но не безопасность. Системы слежки — гончие — лишь отвели носы от остывшего трупа. Рано или поздно они учуют живой след снова, уловят изменения в сигнатуре и вернутся за ним.

Пыль оседала на ресницы. Райзер не шевелился. Купленная передышка ощущалась растянутым моментом перед неизбежным падением. Псы вернутся. Они всегда возвращались. Его прыжок в небытие был судорогой загнанного кролика. План? Планы требовали точки опоры, ресурсов, убежища. Он посмотрел на свои руки: знакомые шрамы, знакомые линии напряженных сухожилий. Инструменты. Но инструменты для чего? Каждая попытка мыслить дальше следующего вдоха упиралась в стену изворотливой усталости. Поднять взгляд на темный вентиляционный люк? Рассчитать угол подъема, оценить риски обрушения? Бессмысленно. Энергия, необходимая для действия, утекла вместе с цифровым сигналом его жизни. Здесь, в этой железной скор-

лупе, можно перестать быть Райзером — охотником, специалистом, невидимкой — и можно просто быть, пока не наступит последний вдох.

По нервным путям побежали тонкие волны диагностических импульсов. Нейроинтерфейс составлял карту. В поле зрения всплыли данные: **СТАБИЛЬНОСТЬ: 92,1%; КОГН. НАГРУЗКА: 78%; АНОМАЛИИ: ОСТАТОЧНЫЕ ИМПУЛЬСНЫЕ ПОМЕХИ; ИМПЛАНТЫ: ВНЕШНЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НЕ ОБНАРУЖЕНО; РЕКОМЕНДАЦИЯ: ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО КЭША.**

Он не стал углублять сканирование и не запустил дефрагментацию. Цифры ничего не меняли, лишь подтверждали исправность тела.

Райзер вздрогнул. В его изоляцию абсолютно неожиданно вторглись. Механическим, почти неконтролируемым движением он засунул онемевшую руку в карман. Пальцы нащупали комлинк, купленный у Флекса и забытый. Из микроскопического решетчатого динамика донеслось шипение:

— Дыши глубже. Ты не в тупике.

Женский голос. Низкий, спокойный, с легкой хрипотцой, лишенный корпоративной учтивости и синтетической гладкости. Райзер не ответил. Его веки дрогнули, но взгляд остался пустым — разум все еще отказывался подчиняться.

— Я знаю, ты слышишь. Знаю, что «глотнул мертвого». Знаю про сливший тебя терминал и про то, что сейчас у тебя дергается левая рука — это не нервный тик, а метка в за-

пястье.

Пауза. Где-то вверху, за ржавыми балками, слышался металлический лязг, эхом отдавшийся в железном чреве шахты. Райзер напряг слух, но звук не повторился. Преследователи? Или просто осадка старой конструкции? Незнание скребла по нервам.

— Метка — точка входа ко всем твоим системам, прямой канал в твою подкорку. Даже после «мертвого», когда все твоё внешнее «я» потухло, она снимает базовые ритмы. Единственный плюс в её хреновой пропускной способности: прямо сейчас это открытый, но узкий шлюз, поэтому время ещё есть.

Слова падали четко, без лишних объяснений, адресованные тому, кто и так все понимает. Райзер медленно разжал пальцы. Его взгляд упал на запястье — там, под кожей, чуть ближе к суставу, была едва заметная выпуклость, которую он наивно списал со счетов. Очередная иллюзия контроля, очередная корпоративная петля.

— Эту штуку нужно вырезать. Сейчас.

Райзер не помнил, как достал нож — узкий, острый как бритва клинок, который он всегда носил в тайнике ботинка. Медленно, через силу, он провел языком по пересохшим губам. Пальцы обхватили скользкую рукоять лезвия.

Клинок нерешительно замер в сантиметре от кожи.

— Райзер, через час этот осколок системы в твоей руке расскажет им все. Тебя найдут, импланты растащат на пере-

работку, тело выпотрошат на хирургическом столе. Режь.

Кончик холодного стального лезвия уперся в запястье. Плотная и упругая кожа сопротивлялась, образуя под давлением белую ямку. Он надавил. Сопротивлениеросло, потом резко ослабло. Сталь вошла в плоть. Острая, очищающая боль пронзила запястье — облегчающе живая после мертвящего онемения шунта. Темная, почти черная кровь выступила через разрез.

— Аккуратнее с сухожилием, — предупредил голос со странной мягкостью, контрастирующей с жесткостью ситуации. — Слышу по дыханию, ты на верном пути. Почти достал. Еще немного... Не торопись.

Райзер почувствовал кончиком ножа что-то твердое и скользкое под слоем жира. Он углубил лезвие еще на миллиметр, ощущая, как оно натывается на оболочку капсулы. Пальцы дрожали от напряжения и остаточной слабости. Он поддел капсулу кончиком ножа, осторожно отделяя тончайшие, почти невидимые проводки-паутинки. Крошечный цилиндр мутного пластика, липкий от тканевой жидкости и крови, скользнул в ладонь. Внутри тускло мерцал микрочип, который, по многолетнему заблуждению Райзера, должен был быть неактивным.

— Раздави его, — голос был твердым, но лишенным безжалостности. — Пока капсула цела, она может ретранслировать даже наш разговор.

Райзер сжал кулак. Раздался хруст — тонкий, сухой, как

панцирь крупного насекомого, ломающийся в руках. В ладони осталась лишь щепотка липкой пластиковой крошки и металлической пыли.

— Хорошая работа, — в тоне прозвучало почти теплое удовлетворение. — Очень чисто для полевой хирургии. Теперь можешь дышать чуть свободнее... хотя бы на уровне нервной системы. Дыши.

Райзер сделал глубокий, дрожащий вдох. Запястье горело, но боль странным образом проясняла сознание, выжигая последние клочья шокового оцепенения. По коже побежали мурашки — тело отзывалось на приток адреналина.

— Меня зовут Рина. Я не из «МежТэка», не из корпоративной паутины. Я... ну, представь цифровую мусорщицу. Роюсь в сломанных системах и информационных помойках, нахожу кости, которые хотят скрыть, и продаю тем, кто готов платить за правду... или за шанс на мечь. — В последнем слове сквозила горечь, быстро приглушенная ровным тоном.

Она замолчала, взвешивая следующие слова.

— Не знаю, что именно ты сделал или видел, но это выходит за рамки обыденного. Последние месяцы «МежТэк» ведет себя странно: повышенная активность в закрытых лабораториях, необъяснимые перебои питания на секретных объектах, внезапные перестановки в руководстве. — Голос Рины стал тише, словно опасался чужих ушей. — Источники шепчут о прорыве... или катастрофе. У них размытая граница между этими понятиями.

В динамике послышалось ее дыхание — ровное, но напряженное.

— Твой след всплыл в самом эпицентре этого урагана. Возможно, ты случайно стал свидетелем того, что не должны были видеть посторонние. Может, у тебя оказались данные, о которых ты даже не подозреваешь. Или... — Рина сделала паузу, — ты просто оказался не в то время и не в том месте, когда они проводили чистку. В любом случае, теперь ты для них живая угроза. Дыра в системе безопасности, которую надо заткнуть.

Голос стих, оставив время на осознание.

— Я хочу помочь. Сама не знаю, за какую цену, потом разберемся. Мы на пороге чего-то важного и можем повернуть ситуацию в свою пользу. Может, даже завалим «МежТ-эк». Или хотя бы усложним им жизнь. Вдвоем у нас больше шансов. — Ее голос дрогнул. — И я тоже уже заляпалась. Не хочу стать очередной строчкой в отчете по «ликвидации нештатных ситуаций». Доверься мне... пожалуйста.

Райзер почти незаметно кивнул. Доверие было роскошью, которой он давно не верил. Но прагматизм диктовал иное: опасность реальна. Этот голос, эта мусорщица была единственным носителем здравого смысла, тогда как его собственный разум разъедали страх, боль и токсины.

— Договорились, — хрипло прошептал он. Слово сорвалось с пересохших губ, эхом затерявшись в сырой тишине шахты.

— Отлично, — Рина вернулась к деловитой четкости. — Теперь слушай внимательно. Тот металлический лязг сверху не случайность. Дроны прочесывают верхние уровни. Рядом с тобой должен быть люк техобслуживания. Старый, заваренный наспех, с кривыми швами.

Райзер медленно поднялся, прижимая окровавленное запястье к груди. В полумраке взгляд зацепился за неровный прямоугольник в стене. Люк почти сливался с бетоном: металлический, покрытый ржавчиной и маслянистой грязью. Он пригнулся; боль в запястье пульсировала в такт сердцу. Липкий от крови нож дрожал в пальцах.

— Всколупни, — подсказала Рина.

Райзер вставил кончик ножа в трещину между створкой и рамой и с усилием провернул. Засохший шов хрустнул. С нескольких участков посыпалась рыжая окалина. Тогда он уперся плечом в люк и резко надавил.

— Я иду, — прошептал он, забираясь в гулкую, пахнущую неизвестностью дыру.

Наверху, где-то в шахте лифта, снова раздался механический лязг.

Глава 5. Остывший мисо-суп

Обычный свет в убежище умер. Его сменило кровавое зарево, исходившее сразу отовсюду.

Брик уткнулся линзой в пол. Время от времени он издавал тихий прерывистый щелчок, словно пытался что-то произнести, но слова заело. Несколько раз экран вспыхивал и замолкал обратно.

Гермодверь убежища, массивный щит из стали и композитов, ведущий в технические тоннели, оставалась запертой. Индикатор статуса, обычно горевший успокаивающим зеленым, не подавал признаков жизни.

На главной рабочей станции строки системного лога бежали с неестественной скоростью: мелькали и исчезали, не успевая зафиксироваться. Они сменялись бессвязными цепочками букв и цифр, короткими фразами.

Один фрагмент все же задержался: «L-S расширил(а) область присутствия».

Из динамиков, годами настроенных на ровные волны белого шума, с трудом пробились несколько дребезжащих, плоских нот, зацикленных в унылую последовательность. Звук был старым, как из сломанной музыкальной шкатулки, и в нем слышалось что-то органическое — слабый сиплый выдох, вплетенный в каждую ноту.

Возникло прежнее ровное шипение, но теперь в нем уга-

дывалось отрывистое дыхание.

На краю стола была глубокая миска. Под тонкой пленкой застывшего жира темнел мисо-суп. Рядом лежали палочки, словно в ожидании хозяина, который вот-вот должен вернуться и закончить прерванную трапезу.

— Я забыл суп.

— ...суп? Ты точно на правильном конце провода, Райзер?

— Оставил на столе. Теперь там холодная бурда.

— Ты понимаешь, что твое убежище теперь — ловушка?

— Да. Мне нужно вернуться.

— Ты вообще знаешь, что несешь? Они уже там! Косцы только и ждут сигнала, чтобы растащить тебя на винтики!

— В холодильнике иммуносупрессоры. Без очередной дозы мой организм начнет отторгать нейроинтерфейс: воспаление, отек, отказ двигательных функций. Я стану бесполезен.

— Подожди, — голос Рины покрылся металлическим холодом. — Не лезь на рожон, есть другие варианты. Я знаю подпольного биоинженера, он работает с контрафактными препаратами. Дорого, но реально. Его лаборатория в двух кварталах от тебя.

— Синтетический мусор, — без колебаний парировал Райзер. — Он дает временный эффект и вызывает перекрестную реакцию. Мой имплант настроен на специфический состав. Все остальное в лучшем случае отсрочит аго-

нию на несколько часов.

— Хорошо, тогда другой план. Я найму какого-нибудь отчаянного типа из Нижнего города, он проберется в твоё...

— Не проберется. Система безопасности убежища привязана к моим биометрическим ключам. Ты потеряешь деньги, а я останусь без лекарства.

— Дай мне хотя бы попробовать взломать их логику! Узнать, где они хранят эти супрессоры на складах, может, есть шанс устроить кражу там, а не лезть в самое пекло.

— У «МежТэка» все, что легально, хранится на обычных складах, а то, с чем неудобно светиться — в серых зонах. Без кодов, без следов в системе. Мои препараты там, их местонахождение не отследить. Их как бы нет. — Он выдохнул, голос все еще дрожал. — Все твои варианты лишь вероятность, крайне малая. Мой вариант — гарантия. Единственная.

— Хорошо, — голос Рины на другой стороне эфира потерял всякий оттенок паники, став плоским и деловым. — Допустим, я принимаю твой «единственный вариант». Как ты себе это представляешь?

Тишина.

— Райзер?

— Я не знаю, — его голос прозвучал тихо и на удивление искренне. В нем не было ни бравады, ни стоицизма. — У меня нет плана. Я не в форме, мысли путаются, реакция замедлена. Имплант... он создает помехи. Я пропущу важную деталь, и это будет конец. Мне нужен кто-то с ясной головой.

Мне нужна твоя голова.

— Ты просишь меня нырнуть в яму вместе с тобой?

— Да.

— Хорошо. Но знай, что лестницы оттуда нет. Ты действительно хочешь такой компании?

— Да, — повторил Райзер одно короткое слово, выдохнутое без колебаний. — Твой расчет надежнее, чем мое чутье. Веди.

— Тогда слушай сюда.

Ночь сгушалась. Райзер крался по улице, вливаясь в поток прохожих. Его взгляд аналитически скользил по силуэтам: вот смеющаяся парочка, выходящая из бара — оживлены, заметны. Дальше женщина, решительно шагающая к остановке — целеустремленная, привыкла контролировать ситуацию. Курьер в фирменной жилетке заскакивает в подъезд с очередной доставкой, его маршрут явно отслеживается.

Внимание привлек парень у подъезда старого жилого массива. Костюм дешевый, но чистый, на запястье поблескивали умные часы бюджетной модели. Он раз за разом проверял телефон, пока обессиленный не осел на парапет. Голова упала на грудь. Обычная усталость или легкая седация? Неважно. Бедолага вырубился.

Райзер присел рядом, сделав вид, будто помогает другу. На затылке он нашел небольшой разъем и подключился по коннектору, змеей выскользнувшему из-под рукава.

— Контакт, — сообщил динамик комлинка. — Загружаю

цифровой слепок твоей старой биометрии. Пока это просто набор символов, спрятанный в памяти его импланта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.